

Псаломъ 89.

НАДПИСАНІЕ.

Ст. 1) *מִלְתָּבָא מִשׁוּ״עֵל חֶלֶבֶתְכָא בִּי״ל.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Сей псаломъ раздѣляется на три части, изъ коихъ въ первой разсуждаетъ Моисей о вѣчности Бога, во второй описываетъ краткость и бѣдность человѣческой жизни, въ третіей прибѣгаетъ къ помощи и милосердію Бога.

ТОЛКОВАНІЕ.

2) *גְּדֹן, פְּרִיבְּיָשִׁיטְךָ בָּיָלָךְ עֲשֵׂה נָלִמָּךְ בְּזֶרְעֶךָ וּבְרִיבְּיָשִׁיטְךָ.*

Пророкъ, отличая сыновъ Авраамовыхъ отъ прочихъ народовъ особеннымъ преимуществомъ, прославляетъ благодать усыновленія, котораго по милости Своей удостоилъ ихъ Богъ. Намѣреніе предисловія сего клонится къ тому, чтобъ Богъ ту милость, которую древле явилъ Онъ къ святымъ патріархамъ, паки вознобновилъ и продолжилъ къ дѣтямъ ихъ. Итакъ, не о томъ повѣствуетъ здѣсь, какимъ образомъ Богъ извелъ Израильтянъ изъ Египта, но какимъ образомъ съ начала и во всѣ времена поступалъ со отцами ихъ. Впрочемъ, прилично нарицаетъ Бога *прибѣжищемъ* ихъ: ибо хотя состояніе всѣхъ людей непостоянно на земли, но потомки Авраамовы, да и самъ Авраамъ паче другихъ подвержены были таковой участи, когда чрезъ всю свою жизнь были странниками, или паче изгнанниками. Они скитались по лицу всея земли до самаго того времени, какъ отведены были во Египетъ. Почему нужно было искать имъ прибѣжища подъ кровомъ криль Божіихъ, безъ котораго едва ли могли они почитаться между жителями міра. А понеже Богъ чрезъ все время странствованія защищалъ и покровительствовалъ ихъ, наипаче когда жили они между дикими и свирѣпыми народами, претерпѣвая всякаго рода обиды; то Моисей, превознося сію особенную Божію къ нимъ милость, прилично глаголетъ: *Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ*, и оную продолженіемъ времени паче и паче увеличиваетъ, ибо болѣе четырехъ сотъ лѣтъ не преставаъ Богъ хранить ихъ подъ покровительствомъ Своимъ.

3) *פְּרִיבְּיָשִׁיטְךָ דַּאֲשֶׁה גִּרְאָלְךָ לֹא יִהְיֶה, וְיִסְרְאֵלְךָ אֶרֶץ וְכָלֹנִינִיךָ, וְיִשְׁׁוּ בָּכָא וְדוּ בָּכָא תַּיָּי עֲשֵׂה.*

Сими словами доказываетъ, что Тотъ же Самый Богъ во всѣ времена и во всякомъ родѣ и родѣ былъ прибѣжищемъ всѣмъ уповающимъ на Него: ибо Онъ всегда Той же есть, сирѣчь, всегда равномѣрно силенъ, равномѣрно премудръ, равномѣрно благу. А дабы показать, что Богъ прежде всѣхъ тварей существуетъ, во первыхъ, упоминаетъ о горахъ, можетъ быть, для того, что онѣ первыя явились, когда земля отдѣлена была отъ водъ, коими въ началѣ творенія отовсюду покрыта была; или для того, что горы составляютъ часть земли, болѣе другихъ открытую и видимую. Потомъ говоритъ *о созданіи земли*, коея нѣкоторыя части составляютъ горы. Къ сему присовокупляетъ *вселенную*, то есть, часть земли людьми населенную. Отсюда видимъ, что подъ именемъ земли разумѣется здѣсь земля пустая и ненаселенная, а подъ именемъ вселенныя, земля населенная и обитаемая: горы же и въ той и въ другой части земли обрѣтаются. Наконецъ присовокупляетъ: *отъ вѣка и до вѣка Ты еси*. Не глаголетъ: Ты былъ еси отъ вѣка и пребудеши до вѣка, но въ настоящемъ: *Ты еси*, дабы показать безпредѣльную вѣчность Бога, которая не что иное есть, какъ продолженіе времени, не имѣющее начала и конца, и не подверженное никакой переменѣ, какъ сказано индѣ: *Ты же Тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Псал. 101, 28).

4) *וְלֹא שׁוּבִיטְךָ חֶלֶבֶתְךָ לְעִנְיָנִי, וְלֹא רִבִּיתְךָ עֲשֵׂה (въ Евр. Возвращаеши человѣка въ скорѣніе, и глаголаеши): שׁוּבִיטְךָ, בְּנִינִי חֶלֶבֶתְךָ.*

5) *כִּי־כֹחַ תִּשְׁלַח לִפְתֹּחַ עֵינָיִם תְּבוֹנָא, גְּדֹן, יִכְוֹ דֵּינִי בְּחֶרֶשׁ־יָמַי, וְיִהְיֶה מִיָּמַי יָדֵי, וְיִשְׁׁוּ לַיְלָא.*

Здѣсь, во первыхъ, упоминаетъ о краткости и тлѣнности человѣческой жизни, оплакивая бѣдствія ея, не потому, аки бы хотѣлъ состязаться съ Богомъ, но дабы преклонить Его на милость, якоже и индѣ глаголетъ: *яко Той позна созданіе наше, помяну, яко персть есмь* (Псал. 102, 14). Теченіе же жизни нашея сравниваетъ съ кругообращеніемъ: ибо Богъ, поставя насъ на землѣ, въ краткомъ обращаетъ кругу, и когда дойдемъ до послѣдней точки, мгновенно къ Себѣ восхищаетъ. Не безъ причины присовокупляетъ и оныя слова: *яко тысяща лѣтъ предъ очима Твоима Господи, яко день вчерашній*. Ибо хотя самый опытъ доказываетъ, что люди, по окончаніи кругообращенія, тотчасъ выходятъ изъ міра, однако не всегда помышляютъ о тлѣнности своей: ибо выше міра не простираютъ взора своего. Почему такъ прилѣплены бывають къ настоящей жизни, какъ бы имѣли жить чрезъ тысящу лѣтъ. Всякъ, сравнивая себя съ другими, обѣщаетъ себѣ самую долговременную жизнь. По сей-то причинѣ Моисей возбуждаетъ насъ отъ усыпленія, возводя мысли наши къ безпредѣльной вѣчности оной, безъ которой мы не чувствуемъ, коль суетна и кратка наша жизнь. Воображеніе долговременныя жизни есть подобно сну, въ которомъ всѣ мы погружены, доколѣ размысленіе о вѣчности не истребитъ въ насъ сея мечты. А какъ люди въ семъ случаѣ чрезъ мѣру слѣпотствуютъ, сего ради представляетъ имъ судію Бога, какъ бы такъ говоря: Господи, ежели бы человѣки всегда въ памяти имѣли оную вѣчность, откуда зриаешь Ты на легкомысліе ихъ, то поистиннѣ почли бы за ничто настоящую жизнь; но понеже не мыслятъ и не разсуждаютъ, что есть вѣчность, да еще и добровольно очи свои отвращають отъ неба: сего ради безумствуютъ, и день единъ почитають за сто лѣтъ. Сіе обращеніе достойно замѣчанія: ибо Моисей, стуживъ небреженіемъ людей, относится къ Богу, какъ бы жалуясь, что онъ съ глухими людьми имѣетъ дѣло, которые и отъ всегдашнихъ опытовъ научиться не могутъ, что они суть люди тлѣнные. За симъ сокращаетъ тысящу лѣтъ не токмо въ день единъ, но и полагаетъ *день вчерашній*, который прошелъ уже. А что уже прошло, то и воспоминанія не заслуживаетъ. Что касается до *стражи нощныя*, то извѣстно, что древніе всю ночь обыкновенно раздѣляли на четыре стражи, изъ которыхъ каждая состояла изъ трехъ часовъ. Сіе подобіе присовокуплено для униженія гордости нашей, дабы показать, что предъ Богомъ и тысяща лѣтъ ничѣмъ не разнствуеетъ отъ трехъ часовъ нощныхъ, въ которые едва ли знаютъ люди, бодрствуютъ они или спятъ.

6) *וַיַּנְחִינֵםּ יְהוָה לַלַּיְלָה בְּדֹלֶת (въ Евр. לַלַּיְלָה יְהוָה יֵאָקֹוּם בְּדֹלֶת):* *о́трѣвъ ѡкъ тѣвлъ мѣмѣвъ ѡдѣтъ, о́трѣвъ процвѣтѣтъ и прѣйдѣтъ: на бѣчеръ ѡпадѣтъ, ѡжестѣетъ и ѡзхнѣтъ.*

Подтверждаетъ вышереченныя слова, показывая, что люди, странствуя въ мірѣ семъ, совершаютъ мгновенный нѣкоторый кругъ. Ибо сонъ просто означаетъ смерть, которая вскорѣ повергаетъ насъ во гробъ, гдѣ превращаемся въ землю. Присовокупляемое сравненіе съ *травою* относится къ тому, что люди происходятъ на свѣтъ подобно прорастающей по утру травѣ, которая на краткое время зеленѣетъ, а потомъ, будучи скошена, увядаетъ. Сіе ученіе требуетъ всегдашняго размысленія, ибо хотя всѣ вѣдаемъ, что нѣтъ ничего тлѣннѣе жизни нашей: однако часто забываемся, и съ неистовымъ нѣкоторымъ стремленіемъ восхищаемся воображеніемъ земнаго безсмертія. Но кто памятуеетъ, что онъ смертенъ, тотъ хранитъ умѣренность, и за предѣлы не выходитъ, но тѣхитя достигнуть назначенныя цѣли.

7) *יֵאָקֹוּם יִזְכֶּרְחֹמִים גִּנְיָוִם תְּבוֹנִים, וְיָרוּסְתִּין תְּבוֹנִין מִדְּתִיחֹמִים.*

8) *Положилъ сѣи беззаконійъ нѣша предъ тобою, вѣкъъ нѣшъ въ провѣщеніи лицѣ твоемъ (въ Евр. תִּיִּנָּה נִשָּׂא לְפָנֶיךָ תְּבוֹנִים לְפָנֶיךָ):*

Въ первомъ стихѣ даетъ причину краткости жизни нашея, и говоритъ, что сократилъ ее праведный гнѣвъ Божій, возжженный грѣхами человѣческими. И хотя въ Богѣ, собственно говоря, нѣтъ ни гнѣва, ни ярости, ни другой нѣкоторой страсти; однако въ преносномъ смыслѣ приписывается и *ярость* и *гнѣвъ*, когда не щадитъ Онъ грѣшника, но по заслугамъ наказываетъ его. Во второмъ стихѣ изображаетъ, что причиною гнѣва Божія были *беззаконія наша*. Беззаконіями же нашими нарицаетъ грѣхъ первыхъ праотцевъ нашихъ, который былъ намъ общій съ ними, и въ которомъ многія другія находились беззаконія, яко-то: гордость, непослушаніе, невѣріе, любопытство, и прочая. Впрочемъ, безъ сомнѣнія, зритъ Моисей и на беззаконія потомковъ

Адамовыхъ, съ размноженіемъ коихъ тлѣнность жизни человѣческія еще болѣе умножилась: ибо до потопа жили люди до девяностъ лѣтъ, послѣ потопа до двухъ или до трехъ сотъ, потомъ во время Моисеево до ста двадцати, наконецъ во время Давидово до осмидесяти. Такимъ образомъ Моисей, показавъ вкратцѣ, что люди на подобіе дыма естественно исчезаютъ, отсюда заключаетъ, что неудивительно, ежели Богъ, раздраженный грѣхами, безвременно отъемлетъ жизнь у тѣхъ, коихъ во гнѣвѣ Своемъ караетъ. Въ слѣдующихъ словахъ: *положилъ еси беззаконія наша предъ Тобою — и: тайная наша предъ свѣтомъ лица Твоего* — замѣтитъ должно красивую противоположность между сокровенными грѣхами, и между свѣтомъ лица Божія. Черезъ сію противоположность Моисей означаетъ, что когда Богъ скрываетъ грѣхи человѣческіе отъ лица Своего, то и люди скрываются во тмѣ, и предаются многимъ ложнымъ мечтамъ; а когда, извлекая изъ сокровенныхъ убѣжищъ, гдѣ они подъ личиною лицемѣрія тщатся сокрыть грѣхи свои, поставляютъ ихъ предъ очами своими, тогда, будучи поражены страхомъ и ужасомъ, смиряются.

9) *Иѣкѡ всѣ днѣ нашіи ѡкѡдѣша, ѡ гнѣвомъ твоимъ ѡчезѡхомъ: лѣта нашіа ѣкѡ плѣнина поѡчѡхѡмъ* (въ Евр. *ѣкѡ всѣ днѣ нашіи ѡкѡдѣша ѡ гнѣвѣ твоегѡ: проведѡхомъ лѣта нашіа ѣкѡ дохновѣніе*).

Пророкъ распространяетъ здѣсь вышереченное ученіе о силѣ Божія гнѣва, и о строгомъ испытаніи грѣховъ. Ибо говоритъ, что наказаніе, которое понесли Израильтяне за грѣхи свои, было не кратковременное, но такое, которое продолжилось чрезъ все теченіе жизни ихъ даже до смерти. И такъ оплакивая несчастную жизнь Іудеевъ, показываетъ, что дни ихъ въ непрестанныхъ бѣдствіяхъ протекли, и на подобіе дыма исчезли. Чего ради? Понеже Богъ не благоволилъ гнѣва Своего умягчить или укротить: и потому не удивительно, что лѣта ихъ на подобіе *дохновѣнія* протекли, когда такъ сильно гнѣвъ Божій належаъ. Равнымъ образомъ ежели бы и мы во Адамѣ не согрѣшили, то дни наши хотя проходили бы, но никогда тещи не преставали, и мы вмѣстѣ съ ними не оскудѣвали. Нынѣ же и дни наши скоро сокращаются, и мы съ ними конецъ житія пріедемъ, и умираемъ, Богу праведно грѣхи наши наказующу. Подобіе, взятое въ переводѣ семидесяти толковниковъ *отъ наука*, то же самое изображаетъ, то есть, что лѣта наши, или минуты жизни нашея то въ суетныхъ трудахъ и печаляхъ, то въ страхахъ и подозрѣніяхъ, то въ стяжаніи временныхъ благъ нечувствительно проходятъ, и подобно пауку изнуряются, который въ соплетеніи сѣтей, всякія вещи ничтожнѣйшихъ, не безъ изнуренія собственнаго состава упражняется.

10) *Днѣ лѣтъ нашихъ въ нѣже сѣмьдесятъ лѣтъ, ѣще же въ сѣлахъ, сѣмьдесятъ лѣтъ, ѡ множае ихъ трѣдѡмъ ѡ болѣзнь: ѣкѡ прїиде крѡтость на ны, ѡ накажемѡ* (въ Евр. *ѣкѡ прѣхѡдѡтъ ѣбѣ, ѡ мы о҃летѣемъ*).

Паки обращается къ общему ученію, и показываетъ, коль кратка жизнь человѣческая, хотя бы Богъ и не сокращалъ оную гнѣвомъ Своимъ. Кое, глаголетъ, продолженіе нашея жизни? Ибо ежели исчислимъ и всѣ годы ея, то они не восходятъ выше семидесяти, развѣ въ крѣпчайшихъ до осмидесяти: далѣе же не что иное суть, какъ *трудъ и болѣзнь*, то есть, жизнь немоцная и дряхлости подверженная. Но здѣсь встрѣчается вопросъ: должно ли по письмени разумѣть мѣсто сіе — о сокращеніи жизни до семидесяти или осмидесяти лѣтъ, когда видимъ, что много есть такихъ крѣпкихъ людей, которыя болѣе осмидесяти лѣтъ живутъ, и напротивъ много есть такихъ, которые гораздо прежде семидесяти умираютъ? Сей вопросъ рѣшится общимъ мнѣніемъ всѣхъ, какъ древнихъ отцевъ, такъ и новѣйшихъ толковниковъ, которые разумѣютъ мѣсто сіе по письмени, и ограничиваютъ жизнь человѣческую семьюдесятью или осмьюдесятью лѣтами, которыя хотя и кажутся быть продолжительны, но въ сравненіи съ жизнію многихъ животныхъ, а наипаче съ вѣчностію, весьма кратки. А что нѣкоторые крѣпкіе люди живутъ болѣе осмидесяти лѣтъ, то не дивно: ибо всякое правило не безъ изыятія, да и число таковыхъ людей весьма не велико. Не дивно также и то, что многіе умираютъ прежде семидесяти, а многіе и прежде четырехъдесяти и тридцати лѣтъ: ибо слабое слиженіе бываетъ тому причиною. Но Пророкъ глаголетъ здѣсь вообще о лѣтахъ, разумѣя общіе и обыкновенные предѣлы человѣческія жизни, то есть, что люди,

при цѣлости силъ и чувствъ, обыкновенно живутъ не болѣе седмидесяти или осмидесяти лѣтъ. А что люди прежде потопа и послѣ весьма долго жили, то сіе приписывать должно промыслу Бога, Который сдѣлалъ сіе для того, дабы родъ человѣческой скорѣе распространился, такъ какъ послѣ тотъ же промыслъ Божій сократилъ время человѣческой жизни, частію потому, что умножились грѣхи, а частію потому, что ежели бы люди и по распространеніи человѣческаго рода жили весьма долго, то міръ не вмѣстилъ бы ихъ. Слѣдующія конечныя слова: *яко прииде кротость на ны, и накажемся*, означаютъ, что отъ краткости жизни, а паче отъ многоболѣзненной старости ту приобретаемъ пользу, что оставя гордость и юношеское надменіе, смиряемся и наказуемся, то есть научаемся познавать немощь нашу и покоряться Богу, смиряясь подъ сильною рукою Его. По тексту Еврейскому: *яко преходятъ абіе, и мы улетаемъ*, — Пророкъ разумѣетъ, что люди безумно гордятся преимуществомъ своимъ: ибо хотя и не хотя принуждены бываютъ взирать на будущее время, и видѣть смерть, къ которой они съ быстрымъ полетомъ стремятся, между тѣмъ какъ слава и гордость ихъ ежеминутно исчезаетъ.

11) *Вѣтъ державѣ (въ Евр. крѣпость) гнѣва твоегѡ, ѡ ѡмъ страхъ твоегѡ ѡроетъ твоѡ ѡзвѣститъ;*
(въ Евр. ѡ ѡкоже страхъ твоѡ, тѣкъ гнѣвъ твоѡ.)

Здѣсь паки обращаетъ слово къ частнымъ бѣдствіямъ народа Израильскаго: ибо по сему единственно случаю и выше о общей тлѣнности человѣческаго рода бесѣдовалъ. Впрочемъ прилично восклицаетъ, что крѣпость Божія гнѣва есть непостижима. Ибо ежели за единый грѣхъ перваго праотца такъ прогнѣвался Богъ на весь человѣческой родъ, что всѣхъ осудилъ не токмо на труды и болѣзни, но и на самую смерть, дабы всѣ человѣки по многотрудной и болѣзненной жизни обращались въ персть свою: то по сему самому судить можно, коль великъ гнѣвъ Божій противъ грѣха, и коль безчисленны способы наказанія, отъ гнѣва происходящіе. И ежели отъ смерти сея тѣлесныя справедливо заключаемъ о великости гнѣва Божія противъ грѣха: то кольми паче заключить можно отъ тѣхъ вѣчныхъ казней, которыя ожидаютъ грѣшныхъ людей послѣ жизни сей. Сіе по истинѣ превосходитъ всякое понятіе человѣческое. Слѣдующія за симъ слова: *якоже страхъ Твой, тако гнѣвъ Твой* — означаютъ, что единый страхъ Божій раждаетъ въ насъ истинное и прямое чувство Божія гнѣва. Ибо мы видимъ, что отверженные люди хотя и жестоко наказываемы бываютъ, однако не исправляются, но или ропщутъ, или явно возстаютъ на Бога, или ожесточаются во грѣхахъ своихъ, кольми паче не покоряются Ему. А хотя иногда смущаются и вопіютъ, но чувство гнѣва Божія не проникаетъ въ сердца ихъ и лютоści ихъ не умягчаетъ. Однѣ только благочестивыя души чувствуютъ гнѣвъ Божій, однако не ожидаютъ громовыхъ ударовъ, коимъ отверженные люди противопоставляютъ ожесточенныя выи свои: но тотчасъ содрогаются, и обращаютъ взоръ свой къ Богу.

12) *Дни твоѡ тѣкъ икажі мѡ, ѡ ѡкованнымъ сердцемъ въ мудрости.*
(въ Евр. ѡгнѣнныя дни наши тѣкъ нашіи нашіи, да введемъ въ сердце наше мудрость.)

Понеже предвидѣлъ Пророкъ, что все доселѣ говоренное человѣческимъ разумомъ постигнуть невозможно, доколѣ Богъ не озаритъ людей Духомъ Своимъ: сего ради обращается къ молитвѣ. И хотя при первомъ взглядѣ, молитва сія покажется безмѣстна: ибо какая мудрость — знать число лѣтъ нашихъ, когда оное не выше осмидесяти лѣтъ восходитъ? Какая трудность исчислить толь немногіе годы, когда и самыя дѣти, лишь только говорить начинающіе, знаютъ буквы и числа? Какая нужда учиться числительной наукѣ, когда и безъ учителя по пальцамъ исчислить можемъ сто лѣтъ? Но тѣмъ-то и неизвинительнѣе глупость наша, что мы и толь краткаго времени жизни никогда не исчисляемъ. Ибо и самый наилучшій ариѳметикъ, который тысящи тысящей подробно и точно раздѣлять и раздроблять знаетъ, при всемъ томъ осмидесяти лѣтъ въ жизни своей исчислить не можетъ. Люди знаютъ измѣрять все находящееся внѣ ихъ; знаютъ, на сколько стадій отстоятъ луна отъ средоточія земли; вѣдаютъ, сколь далеко разстоятъ между собою звѣзды и планеты; кратко сказать, вѣдаютъ всѣ размѣры неба и земли, но въ себѣ самихъ седмидесяти лѣтъ исчислить не могутъ. Отсюда видимъ, что Моисей не напрасно у Бога проситъ, *дабы научилъ исчисляти дни наши*: ибо сіе означаетъ рѣдкую мудрость. Послѣдній членъ также достоинъ замѣчанія, въ которомъ Пророкъ научаетъ, что мы тогда вводимъ мудрость въ сердце, когда

понимаемъ краткость человѣческія жизни. Ибо можетъ ли быть большая глупость, какъ скитаться въ свѣтѣ, не предполагая никакой извѣстной цѣли? Одни токмо вѣрные, коимъ извѣстно различіе между сею тлѣнною жизнію и блаженною вѣчностію, для которой созданы, знаютъ, какую жизнь избирать должно.

13) *Обратіся, гдѣ, доколѣ; ѿ умоленъ буди на рабы твоѣ.*

14) *Исполнихомъ заѣхъ многѣи твоѣ, гдѣ, ѿ возрѣдохомъ ѿ возвелехъ.*

(въ Евр. Исполни насъ заѣхъ многѣи твоѣ, да возрѣдемъ ѿ возвелехъ).

15) *Ко всѣ дни наши возвелехъ, за дни, въ нѣже смирихъ ны сѣ, лѣта, въ нѣже видѣхомъ слѣ.*

(въ Евр. возвелехъ насъ за дни, въ нѣже нахизовалъ сѣ насъ, за лѣта, въ нѣже видѣхомъ слѣ.)

Продолжаетъ вышереченную молитву, и просить, дабы Богъ, Который давно уже тяжкими казнью караеъ Свой народъ, наконецъ преклонился на милость. Ибо хотя ежедневно и многоразличными образы давалъ Израильтянамъ чувствовать милость Свою: но самое странствованіе по пустыни, и удаленіе отъ обѣтованнаго земли было жесточайшимъ наказаніемъ, которое напоминало имъ, что они недостойны того блаженнаго наслѣдія, которое обѣщаль Богъ отцамъ ихъ. Притомъ вѣроятно, что и ужасная клятва, которую Богъ изрекъ на нихъ, часто приходила имъ на мысль: *не внидутъ въ покой Мой, но тѣлеса ихъ истлѣютъ въ пустыни* (Числѣ 14, 32). Нѣтъ сомнѣнія, что припоминаетъ здѣсь и ту жестоку работу, которую претерпѣли Израильтяне во Египтѣ; и потому не неприлично оплакиваетъ долговременную скорбь чрезъ оное слово: *доколѣ?* Слѣдующія слова: *обратися Господи, и умоленъ буди на рабы Твоя* — означаютъ прошеніе Пророка о возвращеніи прежнія милости Божіей ко Израильтянамъ. Ибо какъ Богъ, по обыкновенному выраженію Писанія, отвращаетъ лице Свое, когда отъемлетъ знаки благоволенія Своего: такъ, напротивъ того, обращается, когда возвращаетъ паки милость Свою.

16) *И призири на рабы твоѣ и на дѣла твоѣ, и нагнѣви сыны ѿхъ.*

(въ Евр. да гнѣви на рабѣхъ твоихъ дѣла твоѣ, и слава твоѣ на сынѣхъ ѿхъ.)

17) *И буди свѣтлостъ гдѣ бѣла нашаго на насъ, и дѣла рѣкъ нашихъ исправи на насъ, и дѣла рѣкъ нашихъ исправи.*

Понеже Богъ, оставляя церковь Свою безъ помощи, нѣкоторымъ образомъ пріемлетъ на Себя лице, не свойственное Богу: сего ради Пророкъ благоразумно нарицаетъ *дѣломъ рукъ Его* милостивое покровительство, которое обѣщаль Онъ сынамъ Авраамовымъ. Почему, хотя дѣло рукъ Божіихъ видимо было и во всѣхъ тѣхъ казняхъ, коими каралъ Богъ то вѣроломство Израильтянъ, то неблагодарность, то ожесточеніе, то любострастіе и похоти, то другіе грѣхи, — но Пророкъ всѣмъ симъ доказательствомъ Божіей силы по превосходству предпочитаетъ милостивый промыслъ о сохраненіи Израильскаго народа, и желаетъ, чтобъ сей наипаче всюду вѣдомъ и прославляемъ былъ: *да явится на рабѣхъ Твоихъ дѣло Твое, и слава Твоя на сынѣхъ ихъ*. По сей причинѣ и Павелъ Божію благость особенно именемъ славы величаетъ, глаголя: *да скажетъ богатство славы Своея на сосудѣхъ милости, яже предуготова въ славу* (Рим. 9, 23). Хотя бо и міръ судя проявляетъ славу Свою, но поелику нѣтъ ничего естественнѣе Ему, какъ благотворить человѣческому роду: сего ради слава Его между благодареніями первое занимаетъ мѣсто. Что касается до настоящаго мѣста, то поелику Богъ началъ уже благодѣлствовать народу Своему, изведя его изъ Египта, а оставалось только ввести его въ Ханаанскую землю: сего ради просить, дабы довершили предначатое дѣло; и не помрачилъ славы Своея. Сіе яснѣе изображается во второмъ членѣ, гдѣ Моисей испрашиваетъ милости не токмо людямъ вѣка своего, но и дѣтямъ ихъ, которыя еще не родились. Ибо таковъ былъ образъ того завѣта, въ которомъ сказано: *Буду тебѣ Богъ, и стѣмени твоему по тебѣ* (Быт. 17, 7). Сверхъ сего замѣтитъ должно и имя *свѣтлости*, откуда также усматриваемъ несравненную Божію любовь къ намъ. Ибо обогащая насъ Своими дарами, хотя ничего Себѣ не пріобрѣтаетъ: однако хочетъ, чтобъ красота его явно сіяла, такъ какъ бы она помрачалася, ежели бы не видима была въ благотвореніяхъ Его. За симъ слѣдуетъ: *дѣла рукъ нашихъ исправи на насъ*. Сими словами означаетъ Моисей, что мы ничего не можемъ благополучно

начать или предпринять, ежели Богъ не будетъ намъ предшествовать, и въ дѣлахъ нашихъ благословеніемъ Своимъ содѣйствовать. Откуда слѣдуетъ, что люди безбожные въ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ своихъ бываютъ неблагоуспѣшны: ибо гдѣ нѣтъ Бога, тамъ все приходитъ въ безпорядокъ и замѣшательство. Не излишне присовокуплено и оное повтореніе: *и дѣло рукъ нашихъ исправи*. Оно научаетъ, что мы имѣемъ нужду въ непрерывномъ продолженіи Божіей благодати, дабы сопровождала насъ не токмо до половины пути, но и чрезъ все теченіе жизни.

По книге: ТОЛКОВАНІЕ НА ПСАЛТИРЬ, по тексту еврейскому и греческому, истолкованное тщаніемъ и трудами Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члена, покойнаго Архіепископа Псковскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго и Кавалера, ИРИНЕЯ. Изданіе девятое. Часть вторая. МОСКВА. Синодальная Типографія. 1903 г.
1.00.10